

Журнал «РЕЦ»

№ 53

**Повествование
о романтическом герое**

**Выпускающий редактор:
Павел Гольдин**

Содержание

Федор Сваровский.....	4
Олег Пащенко.....	7
Юрий Смирнов	8
Екатерина Боярских	11
Яна Токарева	13
Евгения Риц	14
Андрей Емельянов.....	16
Антон Очиров	20
Анастасия Афанасьева	23
Андрей Моль	28
Кирилл Корчагин.....	31
Об авторах.....	34

©2008

Выпускающий редактор: Павел Гольдин

Верстка: Ирина Максимова

Координатор проекта: Павел Настин

Все права принадлежат авторам опубликованных материалов

Все материалы опубликованы с личного согласия авторов

Предисловие редактора

Писать стихи можно о себе, а можно о ком-то другом. Эта банальная формула в той или иной мере относится к каждому автору. В русской поэзии последнего столетия эта дилемма имела идеологическое значение – литератору как человеку частному приходилось отстаивать право писать о себе. В итоге нынешние русские стихи полны лирических автопортретов изумительного изящества, однако чтение этих стихов мало что прибавляет к знаниям человечества об окружающем мире. Поэтому закономерен интерес к стихам-повествованиям, стихам-описаниям – любопытство прежде всего антропологического свойства. Человек желает знать о других людях, об окружающих, и это разумно и нормально.

Герои стихотворения-повествования могут быть разного рода. Грубо говоря, они бывают бытовые и романтические. Бытовой герой-другой принадлежит привычному нам повседневному миру. Такие герои окружают нас повсюду, и это пугает, потому что страшно подумать, *кто* живет в трех шагах от тебя или ездит с тобой в общественном транспорте. Есть, однако, и герои иного рода – внешне более безопасные, поскольку они обитают в других мирах. Рядом же с нами они выявляются только в необычных обстоятельствах. Это и есть романтические герои – герои, действующие в других мирах или других обстоятельствах. Одновременно такой герой интересен для познания, будучи «дважды другим» – другим человеком в другом месте.

Другие места тоже могут быть разными. Герой может находиться в посмертном существовании («Лилия Сидоряка» Федора Сваровского), в путешествии («Есь Чо» Олега Пашенко, «Le General Der General» Кирилла Корчагина), в постели («Порнографический цикл» Андрея Моля), во сне («сон емельянова» Андрея Емельянова, «ledum» Андрея Моля), на войне («Снаряды» Юрия Смирнова, «апсны» Антона Очирова), в прошлом («Campus memories» Яны Токаревой), в будущем («Один из нас» Федора Сваровского), в невидимых мирах вокруг нас (стихи Екатерины Боярских, Евгении Риц и Анастасии Афанасьевой) или каких-то других странных местах. Повествования о романтических героях подчеркивают наше незнакомство с миром, в котором мы живем, – ограниченность нашего кругозора. И это правильно.

В предлагаемой читателю подборке представлены стихи одиннадцати авторов 1970 – 1987 годов рождения. Излишне говорить, что опыт современных сообщений о романтических героях не ограничивается содержанием этого журнала, однако редактору представляется, что собранный материал достаточно репрезентативен, чтобы дать представление о разнообразии жанра.

Павел Гольдин

Федор Сваровский

ЛИЛИЯ СИДОРЯКА

1.

слушайте мой голос
из страны усопших

внимайте слову моему
из юдоли смертной

хочу сообщить нечто важное
о живом и мертвом

нечто способное оживить неживое
лысый камень способное удивить:

2.

вот замучил меня
подполковник госбезопасности Сидоряка
за родину святую вырвал ногти мои

умыл меня кровью моею
веки мои остались в его умелых руках

использовал шланги и электричество
применил фактически все что мог

и умер я на бетонном полу
и ушел я в последний путь

3.

только речь не о страшном подполковнике
не о залитых адреналином бетонных полах

а о трех днях
бестелесных полетов
дарованных смертным перед тем как совсем уйти

умерев
свободно ходил я куда хотел
и пошел по собственной воле к Сидоряке домой

в сидорякином доме увидел его малолетнюю дочь
нареченную Лилией
единственную его законную дочь

4.

ничего особенного – 11 с половиной лет
ничего заметного – обычный занудный 6-й А класс

но по-другому смотрятся на овале ее лица
большие прозрачные голубые глаза отца

лоб дочери пятнами покрыт
псориаз затаился у корней волос

в школу редко ходит
мать постоянно берет бюллетень

(мать давно уже сама не своя
мечтает о неделе в Геленджике)

с раннего детства какие-то все расстройства
транквилизаторы и массаж

внутричерепное давление
к вечеру гиперактивность
часто ходит под себя в постель

мало того что аденоиды
еще и хронический тонзиллит

да еще и аллергическая астма
сверхбыстрая реакция на шерсть и пыль

язва желудка в ремиссии
периодически обостряющийся колит

постоянно берут кровь из вены
анализ мочи
в коробок собирают кал

такому ребенку
нужен жесткий контроль
необходим безупречный режим

даже грецкие орехи бывало
вызывали анафилактический шок

нельзя жирного
соленого
острого
сладкого
кофе и чая
и телевизор нельзя

чего же нельзя еще?

5.

тайком смотрит фильмы из коридора
поздно вечером
при помощи двух зеркал

регулярно пишет письма каким-то знакомым
которых никто никогда не встречал

боится ходить по ночам в туалет
потому что в прихожей на вешалке повесились
три пальто

слышит как пролетают искусственные спутники
в небесах
как объявляют станции под землей в метро

6.

видит сон наяву – из Битцевского парка
приезжает инопланетянин – черноволосый
и кареглазый принц

все его узнают и боятся
все уважительно кланяются и даже падают ниц

он берет ее на седло свое
и увозит в Чертаново в космический свой дворец

главное – говорит она – принц гони побыстрее
чтоб нас не догнал отец

7.

гуляет на пустыре перед домом
находит интерес у своры бродячих собак

собакам приносит куриные кости
но они только смотрят
и не едят никак

подолгу издали с ними разговаривает
читает им
раскрыв большую тетрадь

собаки привыкли
волнуются
ждут уже
когда она придет им опять читать

8.

и я увидел и понял
что в жизни своей ничего чудесного не видал

что внутренне просто спал
и хорошего не искал

если что-то и облегчает жизнь мертвых
то любовь бесстрастная
высшая сердечная жизнь

бескомпромиссная жалость
голубое свечение тонких чувств

не стихи и песни
а жизнь убогая – самое главное из искусств

9.

так
послушайте слово мертвого
слушайте что он теперь говорит

(в сердце бесплотном – все новое
и это новое ярко
подобно звезде горит):

в Ясенево цветет прекрасная лилия
Сидоряка –
цвет души человеческой
дочь подполковника-палача

Лилия – невеста

Лилия – кинолог-практик

Лилия – кролик и гордая птица взмывающая с плеча
степного охотника

Лилия – единственная подруга воображаемого слона

Лилия – исследователь глубин
опустившаяся до дна
мироздания

там на дне
оврага на ясеневском пустыре
лилия
в красном пальто возвышается на ветру

посмотрите

там Лилия
стоит
одна

10.

это все

– говорит покойник –

за это

я

и умру

ОДИН ИЗ НАС

последние отряды в горах
сбитые из никого

из бывших дезертиров
из резервистов Цахала
из сербских с позволения сказать добровольцев
из американских извините участников отрядов
самообороны
из так называемых бойцов британской армии
территориальной

из пожилых греков-паломников
из русских авантюристов
из немецких идеалистов
из каких-то местных
в окружении домашних животных

и вот эти расстегнутые
с курами и собаками
пытаются обстрелять 18 дивизий
у Города Возлюбленного

бесполезно
скоро все прекратится

– скажи мне Ицикович
скажи мне уж не та ли это самая туча?

– нет сладкий
это горит Западный Берег

– Ицикович
какая при этом погода тихая
нет никакого ветра

– уже полгода нет никакого ветра

– Ицик
а хочешь пирога с капустой?

– Давай конечно
давай свой пирог с капустой

в такой обстановке обостряются чувства
слышен каждый шорох
травы на холме
стрелок
слышит как у него перекачивается в патронах порох
как мелкое насекомое ползет у него в стволе

лейтенант из ограниченного контингента
валяясь в пыли
рваных штанов не стыдясь
в молодое лицо втирает сухую грязь
очень тщательно

пытается что-ли думать
что он на сборах

– и что нам ребе сказать об этом?
что сказать об этом?
напоследок что ли что-то самим себе
рассказать об этом?

греки говорят об облаке
мне видится
все по-другому:

Он придет
пешим
подойдет незаметно
с нашей
с подветренной стороны

как один из нас
загорелый
в камуфляже
в руке Его для отвода глаз сигарета
дымится
в небе высоко над Его головой как бы почти
случайно
вьется какая-то птица

все закончится думаю ребе быстро

как зима на море
после которой практически сразу лето

Олег Пащенко

БЕЗ СЛОВ

В полдневный жар на полу
 выжженной добела
 чёрным панъевразийским солнцем
 переговорной
 среди опрокинутых стульев
 навзничь лежит молодой
 жертва разбойного нападения.
 На вобравшем в себя
 тысячелетнюю пыль ковролине –
 несколько бурых пятен, похожих
 на вопросительный знак и отточие.
 Без слов, как когда-то в журналах
 писали под некоторыми карикатурами.
 Никто, никто больше не дружит с Оушеном.
 Руки раскинув, лежит, похожий
 на брошенный автомобиль:
 зеркала разбиты, передние двери настежь.
 Чудеса! магнитола взяли,
 но продолжает звучать на рипите
 композиция [«Хитроумный жизнедавец»](#)
 группы «Поистине тяжкое
 телесное повреждение».
 Человек по прозвищу [Чёртов Млат](#)
 танцует на крыше автомобиля,
 роняя свинцовую дробь килограммами,
 смешно топоча десятую
 осиновыми копытцами.
 Ещё двое возятся в вязком песке.
 От топота копыт пыль по полю летит.
 Зыбкие стены Аркадиополиса вдали.
 Из-за дюн показался
 небольшой отряд всадников.
 To creature give life
 create a primitive worker, –
 шепчет на ухо лошади [Аттила](#)
 Чихарь. – That he may bear, –
 продолжает он, выпрямляясь, –
 the yoke assigned, – он заканчивает,
 прежде чем кавалькада
 срывается с места, похожая
 на стайку напуганных выстрелом птиц.
 Он, безусловно, велик
 как полководец. Он лучший
 вокалист
 этой сцены.

ЕСЬ ЧО

В некоем возрасте я путешествовал очень много,
 посреди молодости заехал случайно в один посёлок,
 где к одержимости бесами относились
 как к психонавтике.
 В акции участвует, сказали мне, любое охлажденное
 мясо.

Больше всего мне понравились маленькие
 индонезийские древесные черти.

На втором месте – свиной рылый слон Бегемот.
 Я даже с собой дополнительно привёз парочку,

потому что в городе часто хочется,
 потому что с этим строго в Москве, город свят.

Юрий Смирнов

НЕОАПОКАЛИПТИКО

Мне не справиться с Аргентиной.
Какой-нибудь Гондурас
Почти семь миллионов, дрожащих от экстатической ненависти ко мне,
Когда я приветствую свой народ с балкона президентского дворца.
Задуманная беседа с американским послом раз в неделю -
И политика проста, как мотивация конкистадора.
Приемы для элиты, где царит моя эвита.
И в семьях старой креольской знати иногда рождаются замечательные красавицы.
Потом, конечно, предательство главнокомандующего ВВС,
Смешно – самолетов койот заплакал, а мундир, как у Германа Геринга.
Побег в Гватемалу. Поместье у озера Исабаль.
Смотреть, как стареют твои телохранители.
Ходить в рубашке бессмысленного цвета.
Всегда мокрой от пота.
И благодарить Святого Симона, что не мое имя сейчас с презрением
Произносит на диспуте в университете Буэнос-Айреса
Самая прекрасная девушка на земле.

СНАРЯДЫ

Лейтенант Александр Чурин,
Командир артиллерийского взвода,
В пятнадцать тридцать семь
Девятнадцатого июля
Тысяча девятьсот сорок второго года
Вспомнил о боге.
И попросил у него ящик снарядов
К единственной оставшейся у него
Сорокапятимиллиметровке
Бог вступил в дискуссию с лейтенантом,
Припомнил ему выступления на политзанятиях,
Насмешки над бабушкой Фросей,
Отказал в чуде,
Назвал аспидом краснопузым и бросил.
Тогда комсомолец Александр Чурин,
Ровно в пятнадцать сорок две,
Обратился к дьяволу с предложением
Обменять душу на ящик снарядов.
Дьявол в этот момент развлекался стрелком
В одном из трех танков,
Ползущих к чуринской пушке,
И, по понятным причинам,
Апеллируя к фэйр плэй и законам войны,
Отказал.

Впрочем, обещал в недалеком будущем
Похлопотать о Чурине у себя на работе.
Отступить было смешно и некуда.
Лейтенант приказал приготовить гранаты,
Но в этот момент в расположении взвода
Материализовался архангел.
С ящиком снарядов под мышкой.
Да еще починил вместе с рыжим Гришкой
Вторую пушку.
Помогал наводить.
Били, как перепелов над стерней.
Лейтенант утерся черной пятерней.
Спасибо, Боже - молился Чурин,
Что услышал меня,
Что простил идиота...
Подошло подкрепление – стрелковая рота.
Архангел зашивал старшине живот,
Едва сдерживая рвоту.
Тарщила глаза пыльная пехота.
Кто-то крестился,
Кто-то плевался, глазам не веря,
А седой ефрейтор смеялся,
И повторял –
Ну, дают! Ну, бля, артиллерия!

ИЕРЕМИЯ

Господь отведет от меня ваши камни.
 Воистину вашим отцом был каин.
 Вы, славе и смерти предпочитая рабство,
 За порцию каши для колонн ставшие мясом,
 Хулящие Господа ежечасно,
 Живущие совершенно напрасно.
 Ох, руки мои!
 Не чувствую пальцев!
 Как вы смогли детей своих в котлы бросить,
 Сыпать лавр, добавлять просо.
 Голодали, понятно,
 Так и умирали бы с песней,
 Если надоело с молитвой пресной.
 Забыли, где меч закопан.
 Как лук поет в руках,
 А стрела подпеваает
 Горит голова моя!
 Пылает!
 По чужбинам мыкались, как вороны,
 Воевали за чужие короны,
 За себя воевать не умели.
 Поэтов вешали, песен не пели.
 Мудрых к столбам прибавляли сталью.
 Мозг обкурили дурной шмалью.
 Город мой!
 Где радость твоих белых храмов!
 Как больно.
 Мама спаси меня мама
 Пока еще вы на четверть живы
 Убейте тех кто рассказом лживым
 Зовет на чужбину вкушать под сенью
 Орел накрывает меня своей тенью
 Я помню в детстве любил купаться
 Вода холодная брызги
 Однажды украл апельсин у мамы
 Холодно
 Суки сдохните суки
 Отец согрей мои руки

ХРОНИКИ БИНАРНИИ

От остальных рабочих механосборочного
 Он отличался к спиртному устойчивостью
 Длинными волосами, собранными в хвост,
 Острыми ушами и какой-то гибкой ладностью
 В полный рост.
 Он играл в шахматы за Красную Звезду
 И тренировал заводскую секцию по стрельбе из лука.

Жил один. С годами не менялся.
 Не курил, с пацанами в футболчик мотался.
 Выписывал Науку и Жизнь (или Жизнь и Науку)
 Моделист-Конструктор и Технику молодежи.
 Как-то, защищая соседку от пьяного мужа,
 Дал скотине по роже
 Так залихватски, что весь наш рабочий поселок
 Его зауважал.
 Как-то в четвертом числе мая,
 Когда между двумя праздниками
 Работает только милиция,
 Мы сидели с ним за доской.
 Я наблюдал с тоской,
 Как его элефанты громят мой фланг.
 Его длинные пальцы
 С бесконечным числом фаланг
 Порхали над полем битвы.
 И я спросил его – Виктор!
 Кто Вы?

В деревне эльфов его батя был кузнецом.
 Делал мечи и короны.
 В тех местах было много воинов и королей.
 Не было мамки его красивей.
 Он был шустрым эльfenком.
 Однажды, погнавшись за черным котенком,
 Обнаружил в углу чулана
 Старый сундук.
 Ему захотелось вдруг залезть под крышку
 И спрятаться от своих.

В тот год весной была большая вода,
 И в центре затопило подвалы.
 Еще был Союз, но все чаще
 Мы говорили про налы-безналы
 Он хотел открывать кооператив
 И заниматься телесистемами.
 Ушел с завода,
 Корпел над какими-то схемами.
 Да и в футбол мы перестали играть
 Постепенно
 Не сразу. Но навсегда.

Первое время он возвращался
 Из чудесной страны станков и собраний
 В свой унылый отчий дом в тени кленов.
 Слушал рассказы о набегах орков
 И о коварстве драконов.
 Как-то притащил отцу старый шмайсер
 И ведро патронов
 После чего несколько лет враги
 Обходили деревню.
 С собой забирал мамкино варенье.
 Из лунных ягод.

Он крепко поднялся за год.
 Купил восьмерку и первый в городе иксти.
 Конечно, это не прошло незамеченным.
 К нему не могли не прийти.
 К счастью, он всегда держал под рукой
 Серебряный арбалет.
 Шесть перспективных боксеров в тот вечер
 Потерял Кировоградский облспорткомитет.

Я знаю, он вернулся в свою деревню,
 И построил электростанцию.
 На него смотрят косо,
 Как на чуждую эльфам субстанцию.
 Он всегда в стороне от праздников,
 Где хохочут остроухие девушки
 И задираются бессмертные парни.
 В стране, которую мудрые боги
 Когда-то называли Бинарнией.

СКАЗКА

У отца было три сына, первый, второй и третий нах.
 Двое умных,
 А младший в отца.
 Тоже экономил на презервативах.
 Пришло им время жениться,
 На районе четко секли,
 Когда это время приходит,
 И начинали брезгливо коситься.
 Отец дал им луки и стрелы,
 И сказал –

Убивайте белых
 Они отобрали нашу землю
 И угнали наших мустангов
 В наших вигвамах пусто
 Наши женщины плывут по реке
 У каждой на груди красный цветок

Потом его отпустило,
 Старого заводского джанка.
 Любителя опиатов и пива Арсенал
 И дети пошли за счастьем,
 Не забывая, впрочем, колюще-режущий арсенал.
 Оттопырив правый карман носовым платком,
 Ультима рацию в местах обитания
 Радиационных мачо.
 Хуле, Караваевы Дачи.
 Старший привел домой визажиста,
 Милого и шустрого, как ракета.
 Отец вдохнул из целлофанового пакета
 И благословил.

Потом средний вернулся,
 Педофил,
 Привел школьницу – малолетку
 Такой красоты и бирюзовости глаз,
 Что отец повторил благословенье на раз.
 Дурак прогуливался запущенным парком,
 Шугал собак и квелых маньяков.
 На лавочке возле Аллеи Героев
 Он увидел ее.
 И взлетел на пять сантиметров от земли.
 Ни раньше, ни, забегая вперед, позже,
 Это ему повторить не удалось.
 Где же ты такое родилось?
 Он спросил и погладил ее по волосам.
 Язбелойцерквиуберитерукихам.
 Потом она плакала у него на плече
 И рассказывала, что из банка уволили,
 Когда во время вечернего аврала
 Она превратилась в волчицу.
 Хотя ее вины в этом нет.
 Ее укусил начальник ЖЕКа номер семнадцать
 Иван Моисеевич Дед,
 Которого после убили серебряной пулей
 Во время проверки КРУ.
 И заглядывая в его глаза, спрашивала –
 Ты веришь мне? Ты веришь, что я не вру?

А в его глазах хохотали пьяные ангелы
 И заказывали еще
 И огромный Евфрат сливался с безумным Тигром
 И рабы раскрывали сундуки с алмазами
 А он улыбался своему учителю поэзии
 Наконец-то дождался скупой похвалы

В конце концов
 Раз в месяц каждая женщина превращается
 в какого-то зверя.

Волчица красива и грациозна.
 Любит своих детей.
 И волка не даст в обиду.
 Заявление в ЗАГС подали к обеду.
 Гуляли, как все, по Кресту.
 Пили пиво.
 Сидели на спинках скамеек.
 До полнолуния четырнадцать дней.
 Надо привыкнуть к любви в своем сердце.

Они жили недолго и счастливо
 И были повешены в праздничный день.

Екатерина Боярских

ТАМ ЛОШАДЬ

Я говорю, там лошадь.
Какая лошадь? Не знаю, какая лошадь.
Лошадь, похожая на тебя.
В мелкую клеточку, да?
В белую кисточку,
в чёрную звёздочку.
В огненных стрелах.
Лошадь, похожая на тебя.

Сторож, похожий на ветер,
разводит костёр, проступает пламя,
пламя, похожее на тебя,
бесцветное.
Можно смотреть долго,
можно простыть, можно пойти дальше.
Если зайти далеко,
станут встречаться люди.
Все они мне как дети,
дети, похожие на тебя.

Пахло дождём, а шёл непонятный снег.
Как поздняя электричка,
робко светясь,
вдоль огородов
тянулась, тянулась, тянулась лошадь,
ни на кого не похожа.

НЕКУ

Сердце взрослеет, мне его не понять.
– Неку, Неку! – невидимую собаку звала темнота гулять.
Месяц - ветер, ветошь и западня.
Господи, как высоко ты поднял меня.

Некто под кожей рвёт шерстяной слой.
– Неку, Неку! – отрубленную собаку
зовут отрубленной, но домой.
Пусть половиной, пусть одинокой ногой ползти,
– Неку, Неку... – но реку, реку не перейти.

Телу вскрывает плоть его костяная мать.
Необитаемую собаку несёт туман.
Не перейти реку.
Видно, жила не так.
Всё тишина. Не о чем промолчать.

* * *

Маленький мамонт слушает маму, вечную мерзлоту.
Как телевизор в соседней комнате, та говорит не с ним.
Так, болтает. В небе звезда сгорает, но не горит,
и мы сгораем, перегораем, должны держаться, но не хотим.
Мы хотим оборваться в весеннюю пустоту.

Маленький мамонт слушает маму, вечную мерзлоту.
Она его не пускает на улицу погулять.
Он окровавленным зайцем бежит к мосту,
она не мешает, не запрещает ему понять.
Он прилегает на мост, пытается проползти:
всё что угодно сделаю, отпусти.
Откуда я взялся, мама моя зима,
необитаемая, неосязаемая тюрьма?
Вечная мерзлота издаёт еле слышный скрип.
Мама, куда я делся, за что погиб?

Всё болит. В стакане прыгает аспирин.
Вместо меня другие светятся и растут.
На глубине двенадцати метров, сам себе господин,
вечный мамонт слушает вечную мерзлоту.

Яна Токарева

CAMPUS MEMORIES

1

планка рекордной взята высоты
мальчику девочка дарит цветы
дальше все сплющено
стенка в глазах
все спущено на тормозах
чтоб рифмовались в чужой голове
между собою истории две
яркая роза в мужском общежитии
маки на чьей-то защите

2

догнала и сказала
а он
что
а ты
повторила
а он
что что
снилось что руку его схватила
и не отпускала
две птицы на гнутом кусту сидят
дождь александровский сад

3

уводит чужую жену бросает своя невеста
кипит нескучная жизнь да и сами мы не скучаем
лепим зверушек из соленого теста
гордимся совместно выпитым чаем

4

букетик засушенных гвоздик
японка из якобы оргстекла
не горело воняло но ты сожгла
и я сожгла

5

ничего такого не было ничего
она заснула в комнате у него
а он у окна конспекты свои изучал
и пока она не проснулась свет не включал
с тех пор ни с ним ни с ней ничего сильнее

* * *

подарок городу от деревни
сделанный дедом лук со стрелами

один как робингуд на картинке
второй на лазилке паутинке

переломы сотрясение
минус семьдесят процентов зрения

третьей долго теперь брести
про себя считая до десяти

на предмет колдобин вперед смотри
закрывай глаза на счете три

Евгения Риц

* * *

А полные и медленные люди
Идут красиво, словно элѐфанты,
Такие отличимые в толпе.
Их огибаѐт лѐгкое пространство,
Старательно и бережно касаясь.
Сравнительная дальность расстояний
Выходит за окраину зрачка.
Когда бы я была твоей царицей,
Вся воплоти и плоти за границей,
То я бы так же вдумчиво дышала,
С одной рукой, застывшей, как держава,
С пакетом, в такт качающимся справа.
А воздух из холодных белых прядей
Качает всех, не глядя, кто велик,
И в небесах колышется язык,
Торжественный, как на параде.

* * *

Нет, это не глаза говорят с глазами,
Это просто тебе что-то слышится
В меру твоих немудрящих сил.
Нас отсюда несли корзинами, везли возами,
А сюда никто ещё не возил.
Там такое небо... Но много ли
Унесёшь его даже в самых больших руках,
Тех, которые никого не трогали,
Растворялись в жилах и синяках?
Что-то странное, мерцающее, скользкое,
Только это не взгляды, не голоса.
Кругом навалены мешки,
Расставлены какие-то ящики.
Это дом наш, но всё в нём ненастоящее,
Карамельное, взлѐтное, как полоса.
Положи мне голову на плечо,
А ладонь за пазуху, как христу,
А я спрячу тебя в лёгкой своей голове.
Тень прислоняется к полу, и секунду держится на весу
Паутинная азбука, прежде чем расплестись на две.

Как сад внутри другого сада
Пассажир и жѐлтый свет внутри трамвая
Друг с другом ветками сплелись.
И ничего, казалось бы, не надо,
Только страшно глянуть вниз:
Какая там трава за рельсами живая.

* * *

Внутренний виноград выходит бродить по коже.
Одни этажи со смеху закатываются под ноги,
Другие – смеются над головой.
Они были так похожи,
Что в конечном итоге
Стали не тобой и мной,
А животом и спиной,
Плоскими, одинаковыми до дрожи,
До боли, ноющей, скрежещущей, не зубной.
И пока один расцветает в себя от страха,
Другой – не более, чем соломина, выстилающая гнездо.
Да и вообще – не стоило врать, нужно было остаться
До утра, до сумерек, вообще до
Всего, что будет, всего, что будит,
Что гудит и бухает в гулкий ушной барабан.
Надо было остаться и посмотреть, как люди
Выходят на улицу, и среди них – ты сам.

Семимильная речь покатывается под сапогами –
Это полужимный-полуосенний гравий,
Ещё не успевший покрыться льдом.
Не вполне ясно, как отличить тех, кто в своём праве
От тех же уже не в своём.
Как различить существо в одежде
И существо под одеждой,
Но ещё запутанное в своих и чужих речах?
Прежде
Всего следует вслушаться, как в плечевом суставе
Дѐргается рычаг;

А потом вдруг увидеть улицу – всю за границей взгляда,
Услышать молчание – всё за границей рта,
И понять, что этому уже ничего не надо,
А тот – уже та-
Ющая поверхность,
Блики, сполохи, сплошные слепые пятна,
Негородская уже черта.

Какой-то прозрачный нынче пошёл контингент,
Как будто земли придорожная кромка
И главное всё на глазах.
Под ногами всё сухо, хрустяще и ломко,
Как в нескольких первых разгах.

Какой-то – нет, призрачный, но не бесплотный.
Холодный, холодный
Мелькает знакомым теплом,
Как дым над знакомым углом.

Стояли крестами
По ходу гортани,
А стали солдатами в наглой броне,
Как будто в окне
Расцветают герани,
Цветущие вовсе не в этом окне.

Невидимые глазу существа
Бегут по краю света,
Как по краю глаза.
И это тоже жизнь, хотя едва-едва
И вся не сразу.
Неслышимые воздуху слова
Цветут с той стороны
Картонной черепной коробки,
А время разрывает нас на тряпки,
Как старые рубахи и штаны.
Заштопан стыд, а что ему стыдиться,
Когда он весь вовне, а совесть вся внутри?
И вот ты снова гол, как птица
С прозрачным оперением. Смотри,
Как внешний мир повсюду наступает,
Переступает на окно с окна,
Как полукружья световой рекламы,

Андрей Емельянов

это там

Это
это там.
Грустный Седых
смотрит в окошко,
там любятся-дерутся.
Ей-богу, своими глазами
видел Седых, как солнце
вцепилось зубами
в крашеный кубик
девяти-
этажки.
А тут ещё небо
промокашки
в горло напихало,
как будто ему других
забот мало.
Вспомнил, что он решил
завтра стать поэтом,
может поэтому
так грустно,
но как-то по-хорошему,
это как если бы
переписать всё прошлое,
но забыть внести
в базу данных
старого друга.
У соседей шуршит
упруго мировой океан
Седых умывается,
закрывает кран
и включает какой-то
многосерийный сон,
ему снится
что он снова влюблён.

минус пятнадцать

а на крещение я ходил
ходил кругами почти бегал
совсем белый стал
то ли от снега то ли от безделья
тут ты голову в форточку высовываешь,
говоришь мне почти кричишь
замерз небось бедолага?
а чего мне мёрзнуть
у меня горячее сердце отвечаю я
у твоих собак горячие лапы

вместе уж как-нибудь
переживём зиму
а потом ты оттаешь
весной выйдешь
красивая такая
такая смешная
а мы с собаками
в будке сидим
хвостами машем
радуемся значит.

горбато блестят в заливе туши АПЛ

Настоящим приказом
разрешается запоздало
говорить про любовь
кавторангу Николаеву,
так как командование флотом
вошло в его положение
и увидело раскладушку,
пепельницу из банки «Нескафе»
и кусочек Северного моря в окне.
Оно очень красиво блестит, кстати,
когда весной появляется солнце.

сон емельянова

Вот Емельянову снится сон
как будто бы он влюблён
в свою жену,
а на дворе зима
тридцать седьмого.
Для побега через границу
всё готово,
спички, соль
и немного керосина.
Пора уходить,
но болит спина сильно,
это о себе напоминает
осколок испанский.
Давай,
говорит Емельянов жене,
выпьем немного,
да я пойду потихоньку
на станцию.
Ждёт меня Колька,
договаривались

на полчетвертого.
Если спросит кто,
я в районе,
а оттуда мне надо в Зотово.
Короче, долго меня не будет.
О, безумные, жестокие люди,
злое время зубами
стальными клацает.
Куда ты положила
мой китайский паспорт?
Где лыжи? Да, хорошо.
Может забыл что-то,
голова пухнет.
Волнуюсь, болтаю,
несу чушь,
а надо совсем другое говорить.
Пальцами хотя бы дотронуться,
шея, шея белая,
а мне всё бинты кажутся,
госпитали переполнены
были год назад,
а ты мне приносила
какие-то безумно вкусные вещи,
что же мне это мерещится?..
Время, давай-ка, крутись назад.
Неумолимо полчетвертого
зубы выбить и упасть лежать
мягко прикасаясь к тебе
что же сказать напоследок
что же будет
что.

Тут он просыпается,
и весь оставшийся день
понимает только одно:
сон продолжается тем,
что в жену свою
до сих пор он влюблен.
Что-то косматое
сверху светит.
Мы,
шепчет Емельянов
жене своей вечером,
взрослые дети,
я с тобой всегда буду
дружить, говорю тебе честно.
Только спина немного болит,
в остальном же мир безупречен.

рыжая

Про мою любовь.
Мне. Я бы.
Захлебываясь...
Да похуй,
все равно
не расскажешь
все как надо.

Мне Витька с пятого
её показал.
Смотри, стоит стройная,
волосы рыжие,
точно такие же,
как на картинке,
глаза бесстыжие,
ну точно,
как над твоей
шконкой тёлка.
Иди ты, говорю,
нихуя не она.
Блядь, дурак,
он меня тащит
поближе к витрине,
ну, смотри, ведь точно,
как на картинке.
Отъебись, кричу ему,
отъебись, неудобно,
люди смотрят,
а сам вижу – похожа.
Под пластиковой
кожей как будто
пульсирует жилка,
из одной ноги торчит
железка,
больно ей, что ли?
Витька замолчал,
бычится.
Обиделся, да?
Плечом на стекло надавил,
позвоночник забился
в истерике,
куртка порвана,
с той стороны
охранник
и еще один,
значит поровну.
Витька, левого руби,
а Витька уже за углом,
каркает вороном,
смеётся, улетаю.
Один из этих
меня за ногу схватил,

другой за руки,
и за ними
целая стая.
Потом майор усталый спросит:
Ну нахуя тебе, дебил,
манекен этот нужен был?
А я заплывшим глазом
кошу в сторону.

Про мою любовь.
Мне. Я бы.
Захлебываясь...
Да похуй,
все равно
не расскажешь
все как надо.

джулия, чероки и чезет

Вот замечательная рецензия
на не менее замечательную аварию
на восемнадцатом километре
трассы Колотушки–Небожителство,
напечатанная в журнале «Автофобия».

– Я, – говорит журнал,
разевая свой гляцевый рот,
– буду проклят навеки, если забуду
запах бензина в жухлой траве.
И наоборот,
будут прославленны те,
кто помнит
липкие листья
высоких деревьев
и кузнечиков в ржавой золе.
Ис-ко-ре-же-но и немного грустно
вздыхает Джулия
(её блестяще играет «Альфа Ромео»
сто пятьдесят девятой серии)
на второй секунде аварии
обнимает то самое дерево,
брызжет блестящей слюной осколков,
весело и колко ей отвечает
только что отъехавший
от бензоколонки
обычно серьезный «Чероки».
И под конец,
как фарс, задуманный богом
сверху на них наваливается
«Чезет» маленький и юркий,
трещит, трещит без умолку.
Мы видим как трагикомедия,

превращается в манифест поколения,
артисты горят от переживаний,
скрежещет металлом
саундтрек от Дженерал Моторс.
– Моя маленькая леди,
мы умрем, но наши души...
нет, вы только послушайте!
Наши души будут сигналить
проезжающим мимо
беспечным автомобилям.
Ах, как это мило...

никогда никого

Летом,
на раскаленном песке
пляжа,
спорили хрипло,
не заметили даже,
как поступили
на первый курс
института.
Чудилось им,
будто
магия
сможет сломать
этот мир,
построить новый.
А через год
в тесной одежде
квартир
слушали
«братья и сестры»,
снова и снова
перебирали как
чётки слова
древних молитв
и решились.
Сняли сначала с себя
комнаты детские
(отгороженные уголки
во взрослых зиккуратах),
зашили суровыми нитками
окна и двери,
девочки наискосок
написали помадой
морковного цвета:
«здесь никогда
никого не было
и до сих пор нет».
Кухни пропахшие
мокрым бельем

свернули в рулоны,
на тощие шеи
как медальоны
повесили злые
дверные звонки.
Мы готовы.

Невский пятак,
начищенный кровью,
бледные тени,
январь сорок второго,
высокие, гордые, голые,
в небо уходят,
над городом свет
чужого электричества.
Послушайте, Небесное Величество,
мы сделали все, что смогли,
а им отвечают:
«здесь никогда
никого не было
и до сих пор нет.
Привет!»

смотрите
белым по клеточке
фиолетовой рамочкой
дочке с мамочкой
выкрасил загляденье
просто красиво
жить можно теперь им.

Если надо, говорит,
тебе тоже
дверь покрашу,
звони по любому номеру,
когда понадобится.
Я трубку лично сниму,
договоримся, обсудим всё,
жить красиво надо,
хочется красиво жить
всем нам очень.

Разноцветные двери

Хорошо, когда есть выбор.
Вот уеду в Выборг,
а на мне будут волосы
шевелиться в предвкушении
новых свиданий
с незнакомыми людьми,
большими и малыми.
А пока еду в трамвае,
глазами вращая,
получая старые ощущения
по-новому.
Подсаживается старичок,
говорит мне:
– здорóво,
меня друзья зовут
Крашенный Пэри,
это от того,
что у меня сложная работа.
Я крашу двери,
иногда прислоняюсь
к свежей краске,
и спина моя
радугой расцветает.
Друзья смеются,
но я не обижаюсь,
радостно мне
смейтесь на меня
смейтесь на меня

Антон Очиров

Фаберже [стишок для данилы давыдова]

– какие интересные теледебаты:
вот один мудака, вот другой мудака соревнуются в аты-баты
не оторваться, смотришь и думаешь: мы не просто так, а солдаты
враги лишили нас родины, пидорасы сожгли наши хаты

под пидорасами большинство людей
понимает отнюдь не сексуальную ориентацию
можно сказать что пидорасы на телеэкране превращаются в новую нацию
ну там то-сё буржуазия газпром попсовая шушера дялянки активы акции

фанайлова на радио свобода говорит про любимое
мол мы живём в чистилище и аду
товарищ слева твердит я не убиваю не зарабатываю не прелюбодействую не краду
а это они пидорасы должны быть расстреляны подвергнуты всяческому суду

не ходи в супермаркет не клади леденцы в пакет
не покупай своей девушке цветочный букет
скорби о том что у родины не осталось континентальных ракет

ничего-ничего скоро будут мобильные телесистемы покруче чем у других
нет не будет а будет прах неон и на завтрак какой-то жмых
нет не будет никакого жмыха а что будет
техногенная катастрофа, второе пришествие, трансформация киберсистем
ну какая бя разница если сейчас ты говоришь не то и живёшь не тем

чем чем надо жить говорит один заниматься чем
какая разница говорит другой заниматься чем
никаких дидактических выводов из вышесказанного, никакой морали а просто так
если реальность похожа на резиновый танк различных оттенков и ипостасей
то это просто отражение его атак

отражение? стало быть это в первую очередь какие-то зеркала
ни хуя не зеркала – это очередь очередь очередь
выстрелы по мишени которая свалилась на голову то есть от сердца как-либо отлегла
техасская резня бенопилой при условии что никто никогда не знает
где же эта пила

да вот же эта пила да где же эта пила
вот жизнь которая не сложилась вот мужчина который не выстоял
вот женщина которая солгала
да всё же сложилось, вот это, вот то, вот вода в решете, дом который построил джек
эта речь продолжается вечно, как хлопья в стеклянном шаре в виде снега на муляже

а настоящий снег тает в апреле говорят что весна уже
дорогой бог, тебя сейчас ставят на службу каким-то ублюдкам пожалуйста
расколоти эту ёбаную реальность как яйца фаберже

* * *

*«будущее не наступит, скорее всего, мы просто состаримся»
граффити на стене неработающего завода –
там проходит арт-фестиваль*

думаю, делает ли страус этический выбор
скорее всего, он делает ноги
если находится в живой природе – в саванне там, или где.

люди любят притворяться большими быстрыми птицами –
кого-то разгоняет любовь, кого-то чужая поэзия, кого-то собственные амбиции
[рифма врёт, она ищет ангелов]

так делает ли страус этический выбор, если такое время, что без выбора никуда
почему это никуда – можно пойти туда [можно пойти сюда]
он не умеет читать, он не видит табличку снаружи
«страуса не пугать, в клетке бетонный пол»

ты мой бетонный пол, я твой бетонный потолок
и у страусов, после того как вымерли динозавры,
самые большие яйца в мире [и в каждом белок и желток]

но нет там желтка и белка, там только маленькие зародыши
нежные словно ландыши, занесённые, между прочим, в красную книгу –
вот скоро наступит 8 марта, и ими будут активно торговать во всех переходах метрополитена
какие-нибудь дети индиго.

* * *

*Войну зовёт противогаз
Сатуновский*

– когда тупик похож на каменный мешок
то я засовываю голову в мешок
и там дышу: он как противогаз [в нём весело: мы в них похожи на слонов]
слоны по улицам космическим гуляют, твердят твердят *всё будет хорошо*

смотри смотри, мы больше не малютки: слова как серые бирнамские улитки
как много их скорлупок у калитки
запертой.

апсны [стишок для кирилла медведева]

он говорит что видел шамиля басаева ровно шесть раз
говорит что был поражён тем какая у него маленькая голова
и какая большая чёрная борода
говорил: когда он входил словно что-то менялось в воздухе
то есть он ходил словно танцевал

говорит: чечены не люди
говорит: они воевали на нашей стороне, а после стали жестить
говорит: эти всё *их* дикие обычаи, эти *их* разборки один на один
а мы не такие
когда в чечне началась война, они ожидали, что мы *их* тоже поддержим
но нет говорит потому что воевать за чужое – это не наше
у нас есть только своё и нам некуда уходить

развороченный прекрасный угол
покинутые дома грузин
запах смерти, зарастающий виноградом
русские деньги с отдыхающих летом, которых воспринимают как дойных коз
очень много глазастых детей родившихся после войны
рекламные щиты с текстом «мы возродимся»

я видел в сухуме граффити сделанное приезжим
«абхазия – это рай»
а тост за погибших в череде обязательных тостов обычно идёт четвёртым

Анастасия Афанасьева

Вальс, – говорит, – танец не для невротиков,
Шизофреников, психопатов и слабоумных.
Вальс – танец для настоящих военных,
Стройных, подтянутых, гордых и побежденных.

Полька, – отвечает, – мне нравится танцевать польку,
Когда в саду, будто бомбы, падают красные яблоки,
А зеленые мухи жужжат в пустых военкоматах,
Словно бомбардировщики.

Уйми меня,
мышинная возня.
Я ибо мышь,
и бог ведет меня.

О господи, куда завел меня
С цветком во рту и яблоком во рту,
С моей застигнутой врасплох
Открытою рукою?

Как на ладони тополиный пух
Внезапно рухнул,
оказавшись вдруг
не пух, а пуд.

Вот так испуг
Нежданно обозначился покоем.

Как по воздуху передаются слова?
Через парящие пылинки,
Световые блики,
Спящих комаров.
Летят звуковые волны –
Невидимые тела
Произнесенных слов.

Я стою посреди площади Конституции
Под одним из самых известных памятников
Нашего города. Некоторые называют его
холодильником,
Некоторые – двое из ломбарда,

Я не называю его никак.

Если назначаю под ним встречу,
Говорю «на Советской» (рядом станция метро).
А люди чувствуют место, о котором речь, нутром.

Как по воздуху передается непроизносимое?
Через парящих голубей,
Раскрытие рук,
Случайное соприкосновения плеч.
Летит, летит непроизносимое,
Залетает в самое сердце,
Так, что все, чего хочется –
Просто лечь.

Я стою посреди площади Конституции,
Солнце перемещается, земля крутится,
В руках у меня браслет из деревянных бусинок,
Я перебираю их одну за другой.
Первая – я маленький и глупый,
Вторая – я подросток и глупый,
Третья – я взрослый и глупый,
Четвертая – плюю на клумбу, жду.
В воздухе весенний свет бесится,
Сияет и очеловечивается.
Браслет кладу в сумку, навстречу иду.

Как по воздуху перемещаются старики?
В тесных садах,
У городских замусоренных прудов
Сидят старики и старушки –
В широкополых шляпах, цветастых косынках.
Не дошедшие до ближайшего рынка
Или не вернувшиеся с ближайшего рынка.
Их кожа суха, пусты их зрачки,
На коленях сложены руки.
Крошки хлеба клюют городские птички.
Кто их сюда принес, как они прилетели?
Худые красивые старики,
На каких крыльях сюда прилетели,
Какими путями исчезли?
Как их увидеть или потрогать,
Парящих где-то в воздухе,
В особом пространстве
Между словами и непроизносимым?

Я стою на площади Конституции.
Ты сегодня такая красивая.

Если бы ты была моим деревом,
Я бы удивлялся тебе так искренне и нелепо,
Что, наверное, привлек бы внимание общенности
Своим выражением лица.
Они говорили бы: глупый, глупый,
Посмотрите в его зрачки,
Они широки, как родина и черны, как дыра.
Так я бы поливал тебя из огромного шланга
В июльские дни, когда редко бывают дожди,
Слушал бы твой шелест и уши мои
Разрастались бы до размеров слоновьих.
Я бы хлопал ими, будто большими странными зонтами
И невероятно взлетал бы от воздушной тоски.
Тоска, тоска оттого, что я же не дерево
И все, что умею – трогать твою прекрасную кору,
Говорить с твоим невообразимым шелестом,
Целовать твои листья, качающиеся на ветру.
Но мне никогда не проникнуть внутрь,
Не услышать воду, что протекает в тебе
От корней до макушки,
Не объять твои клеточки, сеточки, твой фотосинтез.
Все, что я могу – смотреть с любовью и удивляться тому,
Как в тебе протекает жизнь
И разделять ее с тобой с помощью
Моего круговорота воды в природе.
Я могу дружить с такими же камнерезами, как и я,
Говорить с ними о том, как вода точит камень,
Знать их изнутри полностью и оттого
Не трепетать перед ними и не желать сливаться в одном.
И только в поступке с тобой становиться тем,
кем не можешь случиться один,
Например, гениальным художником Гойя.
Ибо все мы дружим с подобным себе, а любим другое.

Мартовский снег, мохнатые круглые хлопья,
Нежность моя вы, мохнатые круглые хлопья,
Нежность господня, мохнатые круглые хлопья.
В самом начале весны – мохнатые круглые хлопья.

Бог мой, я проникаю в мгновение так глубоко,
Что сливаюсь с ним воедино,
И каждое снежное тело весит так много,
Но то же время – так мало,
Что и я становлюсь невесомым.

Мне бы ничего не трогать, ничего не ловить,
Стоять сумасшедшим в снегу и воздухе
Мне бы сказать: господи, я больше никогда ничего

Не буду планировать,
Кроме похода в магазин или рабочего графика,
Я никогда не буду чертить в голове карты своего
Жизненного пути, будто действительно имею на это право
И что-то знаю о нем.

Господи все меняется так быстро,
Что я не успеваю подумать какую-то вещь,
Как она превращается в снег и тает на земле.

Господи, я только буду слушать твое дыхание,
Твою нежность, которая одновременно является моей.

Я хочу смотреть, как нежность взрывается в воздухе
И пикирует мохнатыми круглыми хлопьями
На наши носы,
И в восхищении замирать оттого, что на коже твоей
Мерцает капля воды, бывшая снегом секунду назад,
И думать, что среди снега не разобрать,
Где ты, где я, а где бог

Я раньше писал о смерти,
Не будучи с ней знаком.
Я не слышал ее безразличного дыхания в весеннем ветре,
Не видел ее цветов, пробивающихся возле
Канализационных люков
В самом конце марта две тысячи восьмого.
Не видел ее людей, ходящих под руки
По больничному двору,
Ее беззаботных пациентов,
Выходящих из реанимационного отделения
Для того, чтобы выпить пару бутылок пива с друзьями
Перед выпиской.
Я ничего этого не видел, оттого
Скучал по смерти и звал ее.
А когда она пришла, не ко мне,
А к моему единственному человеку,
Который, окруженный весенними почками,
Пробивающейся листвой,
Кирпичными стенами, кафельной плиткой,
Холодной кожей, мышцами, костями,
И бог знает чем еще –
Когда смерть пришла к ней, подступила к самой ее шее,
Я больше не захотел ее знать и перестал звать ее.
Но она гуляла сама между прозрачными клетками воздуха,
Залетала в мои ноздри, сердце, руки, веки,
Жила в голосе реаниматолога, отвечающего «шансов почти нет»,
На больничном крыльце и оранжевом одеяле, в котором я
Принес ее в приемное отделение токсикологии.
Мне двадцать четыре и у меня зеленые глаза, говорила смерть.
Смерть, говорил я ей, смерть, отступись,

Пусть она останется.
 Я пел ей Земфиру в реанимационном коридоре:
 «Смотри в меня, останься».
 Я даже не мог как следует заплакать
 Семнадцать часов, пока она была в коме.
 Когда она открыла глаза,
 Я совершенно заплакал.
 А сегодня подумал, что я никогда больше не буду
 Писать о смерти, думать о ее взгляде в весеннем небе
 В самом конце марта,
 Я буду писать о паровозах, машинистах,
 Ацтеках, океане, песочницах, конструкторах лего,
 Любви, компьютерах, интернете, концертах
 И о таком тихом и громком внутри,
 О таком сильном и слабом внутри,
 О том, как машинисты в паровозах
 Едут через желтые песочницы,
 Человек с ноутбуком сидит на концерте,
 Интернет стучится в окна,
 Ацтеки любят океан,
 О жизни.

Рыжий мальчик лет пяти танцует
 Возле подъезда
 Под неслышную музыку.
 Наблюдаю за ним, затягиваясь сигаретой,
 Которую нельзя: воспаление легких,
 Бронхит, открытый балкон.
 Музыка в самом нутре его,
 Музыка детства, в котором
 Целый час или два кажется,
 Что минутный конец дружбы
 С Петей, соседом по парте, –
 Большая беда, а через полтора часа
 По ТВ показывают мультки о Скрудже,
 Чипе, Дейле и Гаечке,
 Во время которых забываешь обо всем.
 Потом танцуешь под чьим-то балконом
 Рядом с прекрасным велосипедом,
 Настоящим железным другом,
 Которого ты обматываешь
 Синей изолентой
 Для пущей красоты,
 А кто-то там, на балконе,
 Думает о тебе,
 А ты об этом не знаешь –
 И никогда не узнаешь,
 А потом этот кто-то перед
 Плоским монитором пишет о тебе,
 Непроизвольно срываясь
 В собственные воспоминания,
 И круг замыкается.

Исподволь воля
 Становится хлипкой.
 Бабочкин пульс
 На запястьи почти человека.
 Так ли уж сложно порхать?
 Нам ли не знать!

 Радость воздушная
 Песня немая
 Речь простодушная
 Грусть заводная
 Было ли не было
 Воздух моченый
 Делай кораблики
 Как заключенный
 Клеит конверты
 В своей психбольнице
 Мы ли не знаем
 Нам ли учиться
 Нам ли не знать

 Мы до скончания века
 Цветастая, тонкая мы
 – махаонная рать.

Когда я заглядываю внутрь себя,
 будто в жерло громадного колодца,
 выложенного старым булыжником –
 вижу рельефные стены,
 уходящие вниз,
 сужающиеся книзу,
 будто булыжное горло.
 Я наклоняюсь ниже и ниже,
 засовываю голову в начало колодца,
 и тихо-тихо произношу: «Бу».
 Слово отскакивает от каждого булыжника,
 проделывает сложный путь
 между стенками глубокого цилиндра,
 как мячик в старой игре арканойд,
 по ходу своего движения
 с каждым ударом
 сбивая ненужный мох,
 тела задержавшихся на стенах мошек.
 Тогда я раздеваюсь
 до шортов и майки,
 беру серебристое ведро,
 висящее на толстой цепи,
 и отпускаю в самую глубину себя.
 Оно летит до тех пор, пока не слышится плеск.
 Я терпеливо и медленно извлекаю ведро наружу,
 вращая волшебную ручку.
 Наливаю стакан воды, утоляю жажду.
 А после выплескиваю воду из ведра,
 и она, будто волшебный мячик из той же игры,
 на лету собирается в круглые шары,
 которые разбиваются о стены колодезного тоннеля
 с прекрасным плеском, похожим на тот,
 что раздается при прыжке человека в лужу
 с высоты двух или трех метров,
 с прекрасными брызгами, омывающими
 все пространство тоннеля вокруг себя.
 И когда вся вода достигает дна,
 брызги и плеск исчезают, будто не существовали,
 а я, бледный после долгой зимы, в черной майке
 и белых шортах,
 стою на свежей весенней траве,
 заглядываю внутрь своего колодца,
 вижу его стены, сияющие влагой и чистотой,
 отражающие солнечные лучи.
 Неожиданно зрение мое усиливается до
 масштабов телескопного,
 и я вижу самое дно колодца,
 с которого мне улыбается, тоже сияя,
 собственное отражение.
 И я неожиданно произношу, что люблю его.
 Оно удивленно и радостно
 отвечает мне тем же.

Стою, как вкопанный
 Сижу, как пригвожденный
 Хожу пружинисто хожу как по канату
 Бегу по кругу
 Лежу красиво, на спине, раскинув руки
 А это лето, пух идет, июнь.
 А у меня ни пистолета, ни гранаты,
 Ни арбалета, ни копья – я безоружен,
 И пух, летящий как угодно мимо неба,
 Влетает в уши мне, и в нос, и в рот.
 Вот в этой белизне – и я такой же белый,
 Я спрашиваю: что это? И это
 Мне отвечает странными кивками:
 «Не *что* я – важно,
 Важно, что я *есть*».
 Я верю, верю, пух летит, и лето,
 И это вот, которому я верю,
 И это вот, лежание слепое:
 Нет повода смотреть по сторонам.
 Стою – как вкопанный
 Сижу – как пригвожденный
 Хожу – и это, лето, пух, и белый,
 Ни пистолета и ни арбалета
 И круг и слово
 Тополя
 Бегу

Машенька выучила английский алфавит
 И читает бабушке, у которой образование
 Восемь классов вспомогательной школы.

Эй, – говорит Машенька, – би, си.

Эйбиси, – думает бабушка, – Эйбиси –
 Должно быть, это то самое место,
 куда мама с папой ушли.
 Они мне сказали тогда:
 «Сама нас найдешь, когда время придет»
 Эйбиси, эйбиси, мама?

На равнинах Эйбиси не мороженое никогда не тает

Андрей Моль

ПОРНОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

...где, как кончали
- Иосиф Бродский

I

катя

помню трогательную родинку
на внутренней стороне бедра
на всей параллели считалась уродиной
почти ни с кем не общалась
но со мной была нежна и добра
когда кончала
смеялась, кричала «ура!»
что несколько озадачивало и смущало

люба

любила концерты и сейшена
неоднократно встречались в нескольких клубах
как-то съели вместе по полтаблетки
проплясали полночи на какой-то трансовой пати
дошли до дома пешком, и она дала
правда, только сзади
после лежала, курила, отрешена
говорила
что поражена
как её я цинично взял
говорила, что всё, обиделась
больше не виделись
какая уж там любовь
недавно узнал, что теперь она
музыкальный критик и обозреватель
а у меня до сих пор следы от её зубов
на деревянной спинке кровати

оля

работали вместе, обедали, обсуждали офисные дела
как-то раз неожиданно разговор резко перевела
и сказала, что муж её не ебёт
видимо, ходит на сторону
запирались с ней вечером после работы
в переговорной

так ни разу и не дала
но в рот
вдохновенно, умело брала
это были почти платонические отношения
в общем в конце концов нас застукал охранник, урод
меня-то сразу уволили, а оля, наоборот

шефу чего-то видимо там наплела
скорее всего просто и у него взяла
и отправилась на повышение

лена

с маленькой грудью, бледная, нежная, как цветок
безумная, неуёмная
вгрызались, впивались, высасывали сок
с закрытыми, закатившимися глазами
руками и языками
до измождения, ненасытно
наши тела изучали
вылизали, зацеловали друг друга от головы до ног
по семь-восемь раз за ночь в неё, на неё кончали
она говорила, что наша любовь незыблема
но через какое-то время стало совсем хуёво
осунулись, истощали, перебесились
молча еблись, я уставший, она зарёванная
в отчаянии и бессилии
мы бежали

II

даша и света
и настя и дина и маша
нет уже сил и духа перечислять их
не было ничего, кроме постелей наших
всё остальное – слизь, бытовуха, слякоть

если и было сродство – только в недеянии
если и было средство, то чтоб ублажить друг друга
наши успехи и достижения – под одеялом
там мы и были, возможно, в какой-то момент
супругами

III

и как странно теперь смотреть на ваших паспортных
и гражданских
успешных и состоятельных
машина квартира дача
талантливых, обаятельных
научников и актёров, редакторов и писателей
коммерсантов и бизнесменов
спортивных, удачливых

тупые, стеклянные взгляды
жесты вялые, равнодушные
каково тебе с ними рядом
хватает ртом воздух, как рыба
не так уж сегодня душно

а вот этот, когда ебёт, так же картинно прядь убирает
со лба?

а вот тот, когда кончит, так же плоско, неумно шутит?
интересно, а вот он и в постели ноет, что его
обманула судьба?

этот ночами тебе говорит об экзистенциальной жути?

надёжные, верные, умные
за ними как за стеной, и не страшен девятый вал
никто из них в душу тебе не нагадит
не будет капризным, грубым
и никто даже не подумает
вас приласкать, погладить
в тех местах, которые я целовал
до тех пор, пока окончательно
не немели губы
оля и катя
лена, марина и люба

командировка

номер в гостинице города с птичьим именем
зеркало в ванной, покрытое желтым потом
ржавой воды,
фанерная дверь с надрывным
скрипом; вид из окна, вызывающий тошноту.

из этой стартовой точки, пальцем по запylённым
створкам серванта, выводишь свои маршруты
тридцать второй автобус – из гостиницы на работу
сорок четвертый трамвай – в центр, потом оттуда
вечером до кабака по единственному мосту

ворох входящих бумаг становится всё объёмней
палец чернеет, пыльная сеть растёт
ты уже видишь своё отражение в этом городе –
мутное, одутловатое, остранённое

те же, что и вчера, пассажиры в утреннем транспорте
жестом привычным приветствуют тех же знакомых
между собой обсуждают районные новости
ты уже выучил, кто на какой сойдёт

локальная топонимика, сокращаемые названия
местечковый жаргон, кодовые слова
ты переспрашиваешь, и на тебя посматривают
с некоторым сожалением – не этого пустыря трава

пергидрольные женщины в учреждениях
очкастые мужики в конторах
смотрят такими глазами, как будто
на службу к ним заявилось
засаленное, с болтающимися брюками,
обезглавленное пальто

тупо молчат, не скрывают болезненного удивления
ровный гул, который не слышен
издают их плотно сжатые губы
и ты кончиками волос и отмершей кожей
его чувствуешь

как никто

не то чтобы не при делах
но как будто до ветру вышел
не то чтоб совсем чужой
но не в ту дверь зашёл
не то чтобы на душе
но где-то скребутся мыши
все эти люди молчат, будто совсем недавно
что-то произошло
и это произошло с тобой

далее по расписанию: сядишь в обратный поезд
на полпути выходишь в сонное молоко
в шляпе и с чемоданом, в мокрой траве по пояс
уверенно пробираешься туда, где недалеко
только что сжатое поле, оставленные остожья
спит лодка на переправе и серебряная вода
об этом молчат бумаги, но это и есть, возможно,
то, за чем ты приехал, чего ты хотел всегда:
лес наступает на линию
электропередач
валит столбы прогнившие, рвет провода
ящерица на камне
оставляет старую кожу

механическое сердце

пока она была дома,
исправно работали все приборы
деловито гудел холодильник
плотоядно шипели газовые конфорки
чайник приветливо верещал
лампочки зажигались сами собою
когда она ночью наощупь
шла на кухню по коридору
будто её присутствие
было главной деталью во всех вещах

если с утра уходила и к вечеру не появлялась –
 уезжала в командировку, в гости к родителям –
 что-нибудь непременно лопалось, разбивалось
 в телефонной трубке что-то трещало
 искрили электросети
 звонок на входной двери заходил кашлем и хрипом
 всё работало через силу, нехотя и со скрипом
 всем своим поведением и неопрятным видом
 напоминая мне, что её здесь нет

я сидел в полумраке, давился холодным чаем
 даже не в силах настроить себе интернет
 (как ей, наверное, тяжело
 было жить с таким криворуким типом)

когда дела совсем мрачный характер приобретали –
 у соседей сверху труба отопления протекала,
 мерзкие желтые капли падали с потолка –
 вечером поздним она домой возвращалась,
 что-то само собой настраивалось, включалось,
 остальное же исцеляла ее заботливая рука

и вот теперь, когда её нет – со мною, в принципе
 и вообще,

что-то внутри
 похоже, выходит из строя
 важной детали, видимо, не хватает
 той же, что у моих вещей

лифт в моем доме вчера опять поломался
 с первого на девятый придется идти пешком
 я повторяю, покрываясь холодным потом:
 «механическое сердце, не останавливайся
 металлическое сердце, не останавливайся
 мое новое бошевское сердце, не останавливайся,
 работай,
 работай,
 работай»

сглатываю подступающий к горлу тяжёлый ком

ledum

1

стоит закрыть глаза – беспокоится тихий омут
 передо мною на берег из глубины
 выстроенные в каре, поднимаются батальоны
 полупрозрачные, дымные,
 верные мои сны

в панцирях, в кованных шлемах, бронзовые монголы
 с обитыми кожей щитами, с копьями наперевес
 темную массу молчаливо стоят они
 солдаты ночных кошмаров
 духи беспамьяства алкогольного
 и берег едва выдерживает их вес

развеваются яркие ленты, в воздухе реют флаги
 хором поют свои песни и весело голосят
 весенние лёгкие грезы
 минуты счастливого забвения
 в халатах атласных и шёлковых
 в разноцветных китайских шапках, сделанных из бумаги

грянут марш небесные горны,
 громохнут гигантские барабаны
 золотые доспехи сверкнут, на мгновение ослепят
 головой в облаках пропадая, идут титаны -
 страшные в своей мощи, редкие сны о главном,
 прозрачные, словно воздух,
 легкие, словно радужный конденсат
 в центре их солнечных тел угловатые птицы висят,
 ацтекские божества в светящихся кольцах праны

2

командир этой армии, я ей повелевал
 вел ее за собою, где бы ни ночевал
 в бой отправлял полки, затем объявлял привал
 и они исчезали, как только звенел будильник

сам себе один лейтенант, полковник и генерал
 то ли я где-то ошибся, то ли себе соврал,
 то ли с меня ордена, погоны кто-то сорвал –
 сколько я их ни ждал, они больше не приходили

за железной дорогой, в поле, розовеет багульник сна
 я упал на кровать в забытии, и во мне проросла весна
 я в шинели распахнутой, на моих сапогах роса
 тёплый ветер сорвал с головы моей треуголку

я гуляю в рассветной дымке, болотные пью огни,
 что сердечник мой тянет наружу, полюс какой магнит
 разбуди же меня, разбуди, крикни имя моё, проткни
 мою сонную куклу алмазной своей иглой

Кирилл Корчагин

еще только первый день пути
еще так близко от дома
так понятно и привычно всё кругом
но к вечеру мы вступим в пределы леса
встречая природу предстоящую
своим мертвым божествам

и на исходе третьего дня
ты припадешь к пыльной траве
сраженный внезапным ядом
а я пойду дальше не замечая
как дрожат твои запечатанные губы
как стонут окаменевшие стволы

и вот на седьмой день
храня остатки воды в пластиковой бутылке
я войду в небольшую деревяню
по грудь вросшую в тело леса
и человек спросит меня
на языке, которого я не знаю –
тяжел ли был путь

и я буду говорить с ним
тяжело перекачивая во рту
слова незнакомого языка

тишина взросления скажу я ему
навсегда прорастает внутрь
связывая губы металлическими нитками
и укорачивая руки с каждым годом –
так кольца деревьев в твоём лесу
становятся всё тоньше год за годом

я хотел оказаться здесь со своим другом
но теперь его застывшие глаза
следят движение облаков над иглами леса
и руки с каждым часом всё глубже погружаются в землю...

и он хлопнет меня по плечу и пригласит в дом
отворив поросшую мхом дверь;
он посадит меня за стол велит своей дочери
согреть мою постель и я останусь

и когда ко мне подойдет человек
в городской истрепанной одежде
я скажу ему в конце концов
ничего страшного что твоя жизнь не сложилась –
отведай нашего мяса выпей нашего пива
посмотри на наших косматых детей
они уже не ведают имени человеческого
и суставы их узловатых рук
щелкают как хорошо отлаженные механизмы

LE GÉNÉRAL DER GENERAL

пишет в своем дневнике
генерал направляясь в париж

проезжаем альпы.
рукав рубашки залит вином
жирные завтраки
на траве

обдумать свою ничтожность
повторяемость человеческой истории
сводимой к колебаниям метра гаятри –
к восьми слогам первочеловека Пуруши

Солнечный человек застрял вращающейся свастикой
в глазах солдата.
Тот пуруша, который в человеческом глазу и тот пуруша,
который в солнце,
объяснят дочке солдата почему папа

так долго не возвращается почему не пишет – почему
распят в форме вращающейся свастики
на альпийской траве –
с белыми рукавами залитыми вином

генерал подъезжает к парижу

он везет с собой память о ржавой крови пустыни
он войдет в дом этой женщины
он скажет зачем ты отдала мне глаза свои
он вдавит ее сапогом в размытую грязь дороги

посередине дороги он закричит
Господи! зачем Ты отдал мне глаза Свои –
и упадет на колени – в серую жижу

маленький летающий оркестр –
свастика на крыле
толстые офицеры в расплзающейся униформе
баварское пиво, щетки-усы
за щеками тирольские пироги

генерал едет в париж
генерал не приедет в париж

ПОГОДА

1

воспаленное солнце над городом

отравленный ветер пустыни
рождает демонов которые в эти часы
ползут по улицам пустого города
собираясь в клубки у стен глиняных строений

пусть за этими стенами сады шейха
(мы видим их сквозь паутину времени)
где тишина поражена разрывами соловьев
где трава и ручьи окружают шейха
где он лежит в траве раскинув руки
и слышит плеск воды

засыпая он чувствует как растет вода
как увеличиваются травы и расступаются стены
как сад становится миром так как становятся
живыми
порождения отравленного ветра пустыни

Вот заходится кашлем небо над мечетью
Начало сезона дождей но первая радость
уже миновала и жители города
стремятся спрятаться от бьющего ливня
я пришел быть тебе водой
это речь ливня катающего по дорогам
масляные шарики уличной пыли

и если лететь мимо на большой скорости
можно заметить как люди танцуют под дождем
и улыбаются спускающейся с неба великой воде

небо выгибается дугой над священной мечетью
и сквозь иссиня-черные облака пробивается солнце
такое же беспощадное как и раньше
и в короне солнечных лучей шесть крыльев
Джебраила распахнуты так что над рынком
и над прилегающими к мечети кварталами
наступает ночь дождливого дня

Ступни Джебраила касаются мокрой мостовой
он тяжело ступает под тяжестью своих крыльев
капли воды боятся падать на его лицо и дождь
образует купол вокруг его фигуры а под ногами
дымиться земля он останавливается напротив мечети

– *Выходи, я пришел за тобой!*

но вокруг молчание и только дождь
не боится собственных шагов –
по мечети гулкой волной
проходит звук голоса Джебраила
слышный только одному человеку –
но он совершает намаз
и голос Джебраила сливается
в единый гул со словами молитвы

– *Выходи, я пришел за тобой!*

но никто не появляется на пороге
и скоро время отведенное ангелу
для представительства на земле
истекает и он рассыпается ворохом
голубиных перьев вознося
свое светлое существо в просторы неба

а дождь продолжает идти
и нет сил прервать молитву

только в переулках остается гулкое эхо:
– *Выходи, я пришел за тобой!..*

2

он лежит в траве и слушает плеск воды
его голову обволакивают дневные тени
но в его сон вступает беспокойство
он чувствует что кто-то стоит у него в ногах
и он видит смутные контуры крыльев
распахнутые над бессильным телом

земная ось поворачивается вокруг него
почва расступается под его телом
обнажая корни трав ведущие
брачные игры в глазницах мертвых
детей пустыни

он проснется
в объятиях раскаленного песка
посреди ночи но ночи освещенной
тусклым коричневым светом именно таким
благодаря которому видно далеко во все концы
без искажения перспективы

вокруг него возникнут развалины большого города
и он будет стоять на центральной площади этого города
напротив входа в разрушенную мечеть

рассекая потоки времени, проникая сквозь
покрывало сна
мы увидим: он входит а за его спиной
мелькают приземистые угловатые тени

и тени начинают свой пир загораясь
оранжевыми огоньками вокруг складываясь
в непривычные узоры и танцуют – не иначе
его глазами мы видим рождение
нового племени джиннов из крошева
проклятого огня – огни сливаются
образуя высокие фигуры –
они взлетают и небо за спиной человека
испещрено тысячами новых созвездий.

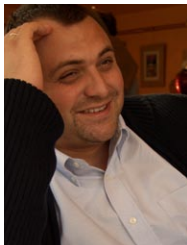
а он стоит в центре зала
и перед ним расправив крылья
в боевом облачении вооруженный
возвышается Азраил и мы видим
как вокруг возносятся огненные стены
и осыпаются перекрытия

мы стоим по другую сторону экрана
оставаясь за скобками –
свидетели жизни и смерти
созидания и разрушения
расцвета и увядания
с той стороны экрана как бессмертные боги
боги времени и пустоты

как любые боги мы остаемся одинокими
после того как в зале выключат свет
и за дверями возникнет
долгая дорога к дому
и преследующая нас
вынесенная за скобки

фигура наблюдателя

Об авторах

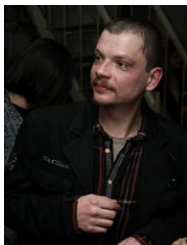
Федор Сваровский

Поэт. Родился в 1971 году. В 19-летнем возрасте эмигрировал в Данию, где получил статус беженца и прожил шесть лет. С 1997 года снова в Москве. Журналист, редактор. Книги – «Все хотят быть роботами» (М.: АРГО-РИСК, 2007; малая премия «Московский счет»), «Все сразу» (М.: Новое издательство, 2008; совместно с А. Ровинским и Л. Швабом). Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Новый мир», «РЕЦ», «Крещатик», «Самиздат», «Сетевая словесность», «Заповедник», «LITERA», газете «Гуманитарный фонд», а также в Интернете. Шорт-лист премии Андрея Белого (2006 г.).

Юрий Смирнов

Родился в Кировограде 26 июля 1973 года. Образование – биологический факультет Харьковского университета, факультет русской филологии Кировоградского университета. Работал уборщиком в зоопарке, слесарем, телеведущим, главным редактором телеканала, директором телеканала, в настоящий момент – кинопродюсер. Публикация стихов в альманахе «Конец эпохи». Многочисленные публикации прозы, драматургии.

Олег Пашченко

Окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ. Профессиональный дизайнер, преимущественно в Интернете. Один из ведущих сотрудников Студии Артемия Лебедева. Обладатель Бронзового льва 48-го Международного фестиваля рекламы «Каннские львы» (2001, номинация «Cyber Lions»), международного звания «Macromedia Site Of the Day» (2000, за персональную страницу), звания «Человек года» сайта «Рамблер» (2001, номинация «Дизайн»), лауреат конкурса «ТЕНЕТА-98» (номинация «Интерактивное и мультимедийное искусство» – за проект «Краткая история жизни на Луне»). Автор книги стихов «Узелковое письмо» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Kolonna, 2002). Публикации – в журналах и альманахах «Вавилон», «Митин журнал», «Воздух» и др.

Фото: ©Андрей Черкасов

Екатерина Боярских

Родилась и живет в Иркутске. Окончила филологический факультет Иркутского университета, кандидат филологических наук. Лауреат премии «Дебют» 2000 г. в номинации «крупная поэтическая форма» («поэма») за текст «Эхо женщин». Книга стихов «Dagaz» (М.: ОГИ, 2005). Стихи публиковались в журналах и альманахах «Вавилон», «Воздух», «TextOnly», «РЕЦ», «Co-operative Book of Poetry» (Кемерово), в антологии «Нестолничная литература» (М., 2001).

Яна Токарева

Родилась в Москве. Окончила историко-филологический факультет РГУ, диплом по творчеству итальянского поэта Эудженио Монтале. Работала преподавателем английского языка, переводчиком, литературным редактором. Автор-исполнитель песен на свои и чужие стихи, участник хора «Маленькая Саррелла», ансамбля «Школа хваления» студентов Е. Д. Резникова при Московской консерватории. Публикации в журналах и альманахах «Окрестности», «(С)оюз Писателей», «Вавилон», «Крещатик», «Воздух», сетевых изданиях «TextOnly», «РЕЦ» и др. Стихи переводились на английский, итальянский и украинский языки. Финалист премии «Дебют» («поэзия», 2001). Малая премия «Московский счёт» (2004) за книгу стихов «Тёплые вещи» (М.: Издательский дом «Юность», 2004).

Евгения Риц

Родилась в Горьком (сейчас – Нижний Новгород). Живёт в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Нижегородского государственного педагогического университета. Кандидат философских наук. В настоящее время работает преподавателем вуза. Участник литературно-художественного Интернет сообщества «Полутона». Книги стихов «Возвращаясь к лёгкости» (М.: О.Г.И., 2005) и «Город большой. Голова болит» (М., АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2007). Публикации – в журналах «Октябрь», «Воздух», альманахе «Вавилон». Стихи переводились на украинский и английский языки.

Фото: ©Андрей Черкасов

Андрей Емельянов

Родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1976 году. Образование среднее. С 2005 года проживает в г. Набережные Челны. Пишет стихи и прозу. Публикации – в альманахах «Абзац», «Акт», «Чёрный вторник» и др. Работает главным редактором в веб-студии.

Антон Очиров

Родился в 1978 году. Живет в Москве. Окончил Московское художественное училище «Памяти 1905 года», занимается дизайном печатной продукции. Книга стихов «Ластики» (М.: АРГО-РИСК, 2008). Публиковал стихи и статьи в журналах «Воздух», «Критическая масса», а также в Интернете.

Фото: ©Андрей Черкасов

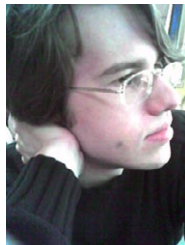
Анастасия Афанасьева

Родилась в 1982 году. Живет в Харькове. Работает судебно-психиатрическим экспертом. Выпускающий редактор сайта «Литературная карта России». Публиковалась в журналах и альманахах «Вавилон», «Воздух», «Новый Мир», «Урал», «Новое литературное обозрение», «Союз писателей», «Cimarron Review» (США), «ШО», антологиях «Освобожденный Улисс», «Братская колыбель», сборнике «Мост. Статьи о современной русской поэзии», сетевых журналах «Textonly», «РЕЦ», «В моей жизни», на сайтах «Молодая русская литература», «Топос» и др. Книги стихов: «Бедные белые люди» (М.: АРГО-РИСК; Тверь: Колонна, 2005), «Голоса говорят» (М.: Европа, 2007). Стихи переведены на английский, украинский, белорусский и итальянский языки.

Андрей Моль

Г. Манаев родился в Москве в 1984 году. Окончил Историко-архивный институт. Аспирант ИРИ РАН. Редактор раздела «Медиаотека» сайта «Новая литературная карта России». Начиная с весны 2007 года пишет под псевдонимом А. Моль. Публикации в журналах «Транслит» и «Абзац».

Кирилл Корчагин

Родился в 1986 году. Живет в Москве. Публикации в журнале «Воздух».

В числе источников биографических сведений – сайты www.litkarta.ru, www.vavilon.ru, www.polutona.ru